

Станислав Борzych

Приматы с планеты Земля

Станислав Владимирович Борзых

Приматы с планеты Земля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26122445

Аннотация

О чём эта книга? О нас, о нашем прошлом, о нашей судьбе, о том, что мы, в общем и целом, обычны и ничем примечательным не выделяемся. Она также о том, что смысла нет, что надеяться нам не на что, что, увы, мы уничтожаем свою собственную планету, единственное пригодное и наилучшее для нас место обитания, и не желаем остановиться, но это так по-обезьяньи. Она рассказывает о нашей истории, о настоящем и немного о том, что ещё нам предстоит. А, кроме того, в ней вы найдёте разного рода, уровня и глубины теоретические изыскания и выкладки, показывающие, как я надеюсь, мою правоту и, к сожалению, неизбежность и неумолимость того, что нас ожидает.

Содержание

Введение	4
О смысле	8
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Введение

Как и положено, эти слова набираются уже после того, как основная часть работы выполнена. Приступая к ней я не думал, что получится то, что в итоге и вышло. Так бывает всякий раз, когда я начинаю что-то писать, и в этом для меня, наверное, состоит основная прелесть подобного рода занятий. Я действительно не люблю жёстких рамок плана, а имею в виду обычно самую общую схему будущего повествования, сама же канва сюжета разворачивается в процессе, и это приятно, потому что познавательно. Ведь если бы я всё знал заранее, делать что-то подобное этому тексту мне было бы уже неинтересно.

О чём эта книга? О нас, о нашей судьбе, о том, что мы, в общем и целом, обычны и ничем примечательным не выделяемся. Она также о том, что смысла нет, что надеяться нам не на что, что, увы, мы уничтожаем свою собственную планету, единственное пригодное для нас место обитания, и не желаем остановиться, но это так по-обезьяньи. Она рассказывает о нашей истории, о настоящем и немного о том, что ещё нам предстоит. А, кроме того, в ней вы найдёте разного рода, уровня и глубины теоретические изыскания и выкладки, показывающие, как я надеюсь, мою правоту и, к сожалению, неизбежность и неумолимость того, что нас ожидает.

Сразу хочу предупредить, что я не пытался быть особо де-

ликатным или чутким. Мир жесток и одновременно прекрасен, а потому о нём надо говорить без обиняков и полутонув, прямо и порой едко. Возможно – даже почти наверняка – что-то покажется вам возмутительным, гнусным, мерзким, низким, подлым, однако я не думаю, во-первых, что мы должны всячески избегать вещей с такими качествами, да и сами по себе они условны, а, во-вторых, нам надо быть честными, по крайней мере, с самими собой, потому что в таком случае у нас появляется пусть призрачный и вряд ли осуществимый, но всё-так шанс.

О названии. Я веду свой блог «Нелепости века». Там есть разные материалы, в том числе с таким заголовком, и, собственно, именно та заметка стала толчком к тому, чтобы написать эту книгу. Просто однажды мне стало понятно – или я прозрел – что вокруг меня и в зеркале я вижу приматов, которые обитают вот на этой планете, и что по большому счёту это и есть вся история, а всё остальное это либо благопожелания, либо выдача желаемого за действительное, но и это тоже очень местечково.

Мы почему-то вообразили о себе не бог весть что и отчего-то всецело поверили в это. Даже если из, как говорят, космоса, а на самом деле просто с околоземной орбиты, видно, что наша планета заселена разумными существами – особенно, конечно, ночью, но и другие волны не надо сбрасывать со счетов – это не означает того, что мы в каком-то смысле этого слова являемся неким уникальным видом не только на

Земле, но и, тем более, во Вселенной. Как станет ясно ниже, нам всего лишь повезло, причём много раз, оказаться там и тогда, где и когда мы актуально и находимся, но это не есть ни наша особая заслуга, ни наш гений, а просто случай.

Если вам не нравится думать о себе и обо всех остальных людях в таком ключе, я категорически рекомендую вам отложить этот текст в сторону и приношу свои извинения либо за пустую, как вам представляется, трату денег, либо за то время, что прошло до этого с момента, когда вы взяли эту книгу в руки, либо за то и другое вместе. Лучше уж отказать от дальнейшего чтения и больше не раздражаться, потому что ниже будет только хуже.

Я не пытаюсь быть нарочно провокационным, точнее, не всегда, не хочу никого эпатировать и совершенно точно не желаю сыграть на низменных, а то и вовсе возвышенных чувствах с тем, чтобы заработать свои пятнадцать минут – разумеется, намного больше, работа получилась довольно длинной – славы. Последняя слишком преходяща в нашем безумном и несуразном мире, а потому и гнаться за ней явно не стоит.

Всё, что я действительно намеревался сделать, это показать, что мы, т.е. люди, с одной стороны, являемся чем-то вполне обыденным и даже банальным, а с другой – для этой планеты фатальным и, значит, чем-то по-настоящему интересным, хотя и губительным. Ведь мы совершенно тривиальные приматы, которые, тем не менее, уничтожат как себя,

так и огромное количество других видов как раз потому, что не в состоянии справиться со своей обезьяньей природой, а также в силу не поддающейся никакому даже и малейшему изменению логики, что буквально тащит нас к коллапсу.

Не подумайте, что я получаю извращённое мазохистское удовольствие от того, что я пишу эти строки– мне нравится это делать из-за других причин. Мне самому прискорбно видеть в качестве моего отражения макаку, но как-то по-другому быть и не могло. Эволюция привела жизнь к её разумному состоянию в виде нас, а мы таковы, каковы мы есть, и это данность, которую изменить нельзя. Как поступать с этим дальше – решать вам, я же только рассказал о том, что я выяснил.

И последнее. Я бы искренне хотел оказаться неправым. Честное слово. Однако, боюсь, в данном случае я прав как никогда, и ничего хорошего нас впереди не ждёт, тем более учитывая то, что остановиться мы не желаем. Мы на всех парах движемся навстречу катастрофе, но при этом – что несколько неудивительно в свете того, что мы приматы – даже и не замечаем этого, а продолжаем творить зло во всей его банальности. Увы, но мир обречён, а пока, я надеюсь, приятного чтения.

О смысле

Прежде чем начинать какой бы то ни было разговор о нас самих, т.е. людях, необходимо вначале рассмотреть вопросы о том, как мы создаём свои концепции, какое содержание мы в них вносим и что в итоге у нас получается. Без понимания этого не будет никакого прока ни в дальнейшем чтении этой книги, ни в принципе продолжении размышлений – я имею в виду, конечно, непредвзятых и честных – о человеке. Может показаться, что я здесь несколько усложняю, но в таком случае выскажу это иначе – нам надо, даже строго необходимо выяснить и осознать, что очень многое из того, что мы считаем само собой разумеющимся, очевидным, лежащим на поверхности, не подлежащим никакому обоснованному и открытому сомнению, на самом деле делается нами, а не дано нам свыше. По сути, последнего попросту нет, и было бы несколько наивно предполагать наличие чего-то подобного. Всё и вся творится нами, а не кем-то ещё. И доказательству как раз этого и будет посвящена данная глава, но вначале одно предупреждение или напутствие.

После введения прошло не так много времени, поэтому тем, кто не хочет, не способен или же по каким-либо иным причинам не намерен менять, корректировать, откидывать, препарировать, анализировать и перестраивать – если не отказываться от них вовсе – свои мировоззренческие позиции,

дальнейшее чтение строго-настрого противопоказано. Если вы не предрасположены глядеть правде в глаза или хотя бы уверены в непогрешимости и незыблемости некоторых постулатов и аксиом, то мне крайне жаль, что вы купили эту книгу. Как бы то ни было, но пока ещё не слишком поздно, а потому вы в состоянии посвятить себя какому-нибудь другому занятию вместо того, чтобы постоянно раздражаться и выходить из себя. Всем остальным же я гарантирую, по крайней мере, интересную – но не обязательно абсолютно всё проясняющую, надо заметить – экскурсию на кухню по приготовлению человеческих отношений, взглядов, аттитюдов, ценностей, целых идеологий. Имея это в виду, с одними я прощаюсь и, разумеется, желаю счастья, с другими же нам предстоит довольно долгая дорога, так что запаситесь терпением. Итак.

Первое, что должно быть озвучено – это непоколебимый – у вас ещё будет время и возможности убедиться в этом, и да, я предупреждал – факт того, что смысл – это самое вредное, гнусное, отвратительное, ужасное и страшное человеческое изобретение, которое погубило куда больше судеб, жизней, талантов, чем какая-либо другая сила на Земле, по крайней мере, если мы ведём речь о людях – и не только о них. Перефразируя, его нет, никогда не было и вряд ли он однажды появится, а то, что мы подразумеваем под ним, есть лишь приписывание и навязывание материи, нам самим, нашему и любому иному бытию того, что, как нам кажется, они долж-

ны содержать. Увы или к счастью, но всё это представляет собой лишь выдачу желаемого за действительного.

Не поймите меня неправильно. Я не разочаровавшийся в жизни человек, не брюзга, не старик, которому немного осталось, не неудачник – я ещё вернусь к этому вопросу и связанной с ним процедуре создания категорий и наполнения их содержанием, а пока замечу, что подобные понятия в принципе беспочвенны и пусты – не, наконец, допотопный философ с претензией на оригинальность. Я совершенно обычный – как знать, конечно – представитель нашего вида. Всё, что меня отличает от, к сожалению, очень многих других – это незамутнённый взгляд на вещи и только. Как говорится, имеющий глаза, да увидит, и я не понимаю, почему столько людей предпочитают быть слепыми или же страдать какими-либо иными повреждениями и дефектами зрения.

Конечно, вы сразу возразите мне, что так не может быть, что смысл есть, просто я его не заметил или же что я просто не преуспел в жизни, а потому пытаюсь низвергнуть то, что у меня не получилось сделать, самым подлым образом, что излишне фантазирую, короче, веду подрывную деятельность, а по факту борюсь с выдуманными мельницами и чудовищами. Уверяю вас, что всё это не так. Поэтому одна иллюстрация.

Далеко не все – что не может не радовать – учёные совершенно серьёзно верят – именно подобным образом всё и обстоит, потому что каких-то внятных обоснований и основа-

ний этому нет и как вы поймёте ниже они в принципе нереализуемы – в то, что наша Вселенная чуть ли не намеренно – это очень показательно в свете того, что последует – устроена так, чтобы мы в ней могли находиться и, соответственно, размышлять о ней. Иначе говоря, есть строго определённые мировые константы, которые позволяют состояться и Солнцу, и Земле, и жизни, и нам, их изучающим и им дивящимся.

Я нарочно несколько сгустил краски и немного преувеличил. Понятно, что никто ни на что не молится – впрочем, мне это неизвестно – восторга не испытывает, да и вообще сильно на этом внимание не акцентирует – хотя, как сказать. Как бы то ни было, но, по крайней мере некоторое, очарование всё же присутствует, и это нуждается и в объяснении, и в, желательно, уничтожении – зачем так жёстко и жестоко обходиться с некоторыми взглядами ясно станет ниже.

Давайте будем честны. Совершенно бесспорно то, что эти мировые константы действительно позволяют быть миру таким, каким мы его актуально и наблюдаем. Но из этого больше вообще ничего не следует, да и не может быть выведено. Приписывать этому какое бы то ни было значение попросту бессмысленно и даже вредно. Это равносильно тому, чтобы сказать, например, что, звуковые волны специально таковы, чтобы мы были в состоянии их слышать. Или что некоторые фрукты стали красными с тем, чтобы мы их ели. Т.е., по сути, тут телега ставится перед лошадыю.

Безусловно, Вселенная имеет какие-то параметры и ха-

рактеристики. И мы здесь потому, что они таковы. Но само по себе это ничего не говорит. Из этого нельзя вывести то, что мы и должны находиться на этой планете и восхищаться изяществом осуществлённого. Будь константы иными всего бы этого не произошло, а просто бытие было бы другим. И, вероятно – но не факт – был бы кто-то или что-то, кто или что удивлялся уже этому.

Проблема состоит в том, что мы своё собственное наличие пытаемся – это в принципе нам свойственно – некоторым образом узаконить и оправдать. Да, жизнь – подчёркиваю, в том виде, в котором она реализована на Земле и, может быть, где-то ещё, но это не обязательно – состоялась потому, что такова Вселенная, но нет, последняя не создавалась нарочно так, чтобы всё это случилось. Одно из другого не следует и не вытекает. Просто так получилось.

Это очень важно, потому что ни мировые константы, ни что-либо ещё не подразумевают и не указывают на некий замысел или намерение. Порядок возникает из хаоса, существуют эмерджентные свойства и непреднамеренные последствия, есть точки бифуркации, наконец, нередко свою лепту – и весьма ощутимую – вносит случай, и всё это говорит лишь о том, что порой происходят маловероятные, но всё-таки возможные вещи. Например, есть предположение о наличии множества Вселенных, а наша в таком случае представляет собой просто один из в принципе реализуемых вариантов, и даже если это и не так, то само по себе наше тут

присутствие вообще ничего не объясняет и ни к чему не ведёт. Нам банально повезло, что мир таков, каков он есть, и это всё.

Поэтому, когда я слышу нечто вроде того, что у Вселенной на меня или кого-то ещё есть какие-то мифические и крайне загадочные, но зато, как правило, очень благоприятные для нас планы, мне становится смешно, а то и неловко. Помимо того, что у материи в принципе нет никаких интенций и намерений – она всего лишь подчиняется физическим законам, да и то только на данном этапе своего существования – нелепо в подобных утверждениях то, что выделяется какой-то конкретный индивид – спрашивается, по каким именно основаниям – и ему или ей сулятся золотые горы и манна небесная просто потому, что так кто-то говорит. Чтобы понять абсурдность таких заявлений приведу ещё один пример.

Как известно в мире существует огромное количество лотерей самых разных масштабов и величин – я, кстати, тоже порой в них играю, в конечном счёте, пусть и маленькая, но вероятность обогатиться там всё же есть. Люди – кто как, разумеется – с удовольствием покупают билеты и надеются на выигрыш. И в самом деле иногда бывает так, что кто-то срывает весь куш. Но самое интересное происходит после. Тот или та, кому повезло, нередко начинают придумывать истории о том, что они неким волшебным образом предвидели такие результаты, и вроде бы даже находят тому под-

тверждения.

В следующий раз, когда вам начнут рассказывать нечто подобное – среди чего встречаются и неожиданные, но счастливые исходы, и предвосхищения смерти, и правильность мер, и много чего ещё, включая и некое озарение по поводу нужных чисел – подумайте вот о чём. А сколько всех этих предчувствий, наитий, интуиций оказалось пустыми и ни к чему не ведущими? Почему никто не говорит о том, что и как он или она жестоко ошиблись – такое, кстати, случается гораздо чаще? Отчего не поведать о том, что вот эти цифры казались прямо наивернейшим способом выиграть, но выпали другие?

Увы, но мы очень крепки и сильны задним умом. После счастливого случая всегда хочется как-то оправдать своё везение, что и приводит к появлению историй о якобы чудесных предзнаменованиях и знаках, ведших нас в нужном направлении и доставивших в наше актуальное положение. Почему бы тогда не указать на те, которые загнали нас в тупик, уничтожили нас, унизили?

Хорошо, возразят мне, последний тип баек столь же распространён, что и первый. Мы пытаемся найти, в чём же мы провинились, раз понесли такое ужасное наказание, где были неправы, когда пошли не той дорожкой. Не может же в самом деле зло быть беспричинным и у всего должны быть какие-то триггеры и объяснения, разве не так? К сожалению или к счастью, нет, не так.

Тем, кто выиграл в лотерею, банально повезло, а очутившимся на дне или где-нибудь ещё в таком же духе – нет, и никакие ни внутренний голос, ни интуиция – впрочем, с ней не всё так просто – ни какие-то взятые с потолка знаки, ни напутствия откуда-то сверху здесь совершенно ни при чём, потому что выдумываются, как правило, после, а не до рассматриваемых событий – есть, однако, регрессия к среднему, когда жизнь принимает привычный вид после тех или иных потрясений. И даже если они появляются загодя, то носят, разумеется, характер благопожеланий, эдаких просьб или мольбы, а не чего-то ещё. Кому-то сопутствует удача, а других обходит стороной, и это данность, а не заслуга или же наказание.

Я понимаю, что сейчас расстраиваю очень многих людей, поэтому укажу вот на что. Несмотря на то, что исход не поддаётся расчёту в силу слишком огромного числа переменных, которые непременно нужно принять во внимание для вынесения приемлемого и внятного прогноза, некоторые из них более вероятны, а другие – менее, особенно, если нам известны предыстория и контекст. Так, скажем, попасть под машину реальнее, чем выиграть в лотерею кругленькую сумму, а находясь в библиотеке больше шансов получить новые знания, чем пребывая на стадионе.

Загвоздка, однако, состоит в том, что вероятность не означает предопределённости, и, кроме того, не столь уж и редко мы обнаруживаем себя в таких ситуациях, все составляю-

щие которых не только не поддаются измерению и учёту, но и вообще обнаружению. Крайне проблематично, как в сказке, искать то, о чём не имеешь никакого понятия, но именно таковы обычно условия, в которых мы находимся.

Всё это касается не только и даже не столько каких-то мировых констант или чего-то подобного, но и в принципе всего на свете, за исключением, разумеется, намеренных действий и ожидаемых от них результатов – но тут тоже не всё так радужно и гладко, как нередко считается. Мы живём в состоянии чуть ли не тотальной неопределённости, и нравится нам это или нет, но как-то иначе в принципе не бывает. Учитывая то просто-таки колоссальное количество переменных, каждая из которых в состоянии в значительной степени повлиять на конечный исход, ожидать чего-то другого было бы и наивно, и несколько странно. Понятно, что какие-то корреляции и закономерности всё же просматриваются, но от этого они не превращаются в строгие или какие-либо ещё последовательности или шаблоны. Мир слишком непредсказуем.

И это не так ужасно, как представляется на первый или на любой последующий взгляд. Если бы всё было известно заранее, то было бы не слишком, если вообще интересно жить. И, между прочим, непонятно тогда зачем. К чему напрягаться и пытаться что-то делать, если исход предопределён и загодя установлен? Если бы мы всё знали наперёд, то больше не было бы ни экспериментаторства, ни попыток узнать и

применить что-то новое, ни риска с его пусть и не всегда желательными, но, тем не менее, порой полезными последствиями.

Допустим теперь, что вы согласны со мной, и приняли тот факт, что Вселенная не только не планирует что-то, но и в принципе лишена сознания, которое бы было способно генерировать мысли, чувства и отношения. Вместо этого мы можем сказать, что она состоит из колоссального количества элементов, каждый из которых подчиняется определённым законам, но поскольку их так много – и правил, и частиц, но первых, очевидно, намного меньше, хотя их и тяжелее находить – для нас все их взаимодействия и конечный результат представляются чистой случайностью.

В подобной картине мира, впрочем, смысл не исчезает совсем. Ведь если пусть и на сугубо принципиальном уровне всё подлежит расчёту и прогнозу – да, они нам недоступны, но всё-таки – то всё ещё остаётся надежда на то, что некие цели преследуются и какие-то мотивы имеются. И хотя мы и не в состоянии их узнать, да и просто подумать о них, мы всё ещё вправе продолжать считать, что кто-то или что-то следит за нами, куда-то ведёт и заботится, ну, или, по крайней мере, присматривает за нами, как в случае инсектолога с муравьями – конечно, далеко не всем интересны эти насекомые, но некоторые из нас в них иногда души не чают, впрочем, этот вопрос будет подвергнут анализу ниже, пока же займёмся вполне обыденными, а не высшими силами. Увы, но и это

лишь благопожелание, а не что-то из разряда реального.

Зададимся следующим вопросом. Имеют ли известные нам законы физики какие бы то ни было намерения? Боюсь, что сама его постановка как таковая бессодержательна по определению. Они просто существуют, и если куда-то нас и заводят, то лишь потому, что в уравнениях присутствуют разные переменные. Скажем, энтропия возрастает не оттого, что ей так хочется – у неё в принципе нет желаний – или вследствие того, что кто-то или что-то нарочно создало её ради выполнения каких-то своих задач – Бог? инопланетяне? мировой разум? – а в силу того, что устройство и материи, и самой Вселенной таковы, что иначе и не могло быть – и, кстати, об этом как раз и говорят константы. Понятно, что, обладая неудержимой фантазией, некоторые не перестанут верить в то, что и у неё – и у, естественно, много чего ещё – есть своя цель, а из-за того, что вы-сами-знаете-чьи пути неисповедимы легко и непринуждённо в голову приходит идея о том, что всё происходит не зря. Но с таким объяснением мы попадаем в порочный круг, который я бы назвал аксиоматичным мышлением. Суть его состоит вот в чём.

Если в силу тех или иных причин мы делаем какие-то допущения относительно сути бытия – например, о существовании Бога, конечной цели, телеологичности всего и вся, будущей победы добра над злом, я ещё коснусь этих вопросов в дальнейшем, пока же удовольствуюсь их неполным перечислением – то мы попадаем внутрь капкана, из которого боль-

ше никогда не сумеем выбраться. Так случается потому, что эти самые предположения неизбежно станут всплывать всякий раз, когда нам потребуется дать некий решительный и недвусмысленный ответ о том, что является отправной точкой. И, как нетрудно догадаться, именно аксиомы и окажутся в её роли.

Проблема с ними состоит в том, что доказать их в принципе нельзя. Что-то может казаться нам самоочевидным, другое – лежащим на поверхности, а третье – явно данным, но ничем из этого они не являются. Рассмотрю один пример – намеренно несколько вызывающий, и да, я вернусь ниже к нему и прочим, с ним связанным моментам, когда буду говорить о человеческой физиологии – а именно так называемый фазовый переход. В других своих работах я уже указывал на проблематичность наличия любых абсолютов, тут же я просто разовью свою мысль. Итак.

Как должно быть известно всем из школьного курса по физике вода – и не только она – может принимать три состояния – жидкое, газообразное и твёрдое. Если же мы начнём воздействовать на неё с помощью температуры, то сумеем заставить её переходить из одного в другое. Но так ли это на самом деле? Скажем, всякий, кто наблюдал, как она закипает, подтвердит вам, что нет какого-то одного момента, который бы точно и без сомнений отделял её ещё не булькающую от уже такой. Смена занимает какой-то промежуток времени, и нет того мгновения, которое бы было бы карди-

нальным, последним, решающим.

Кроме того, вода в горах кипит при меньших по сравнению со ста по Цельсию градусах, из чего довольно резонно предположить, что при высоком давлении температуру нам придётся поднять тоже. Но всё это, возразите вы, не имеет никакого отношения именно к фазовым переходам. Я приведу ещё одну иллюстрацию, а затем докажу, что связь не просто есть, но она кричащая.

Многие из нас в курсе, что одной из характеристик воды и других жидкостей является их вязкость. Патока и пиво отличаются друг от друга среди прочего именно этим. Во многом дела так обстоят потому, что смотрим мы на всё это с точки зрения конкретного масштаба. Люди состоят из значительно большего числа молекул, а, значит, видят их не по отдельности, а как минимум группами, из-за чего та же вода представляется нам текучей и уж точно нисколько не вязкой. Но в том-то и дело, что для созданий поменьше, вроде бактерий или вирусов, она именно такая – кстати, стекло тоже течёт, но очень медленно. Так какая она на самом деле?

Может быть, ради каких-то практических или других целей нам и удобно рассматривать именно три состояния вещества, но на фундаментальном уровне оно остаётся самим собой. Да, лёд визуально сильно отличается от воды и от пара, и все они между собой, но все трое состоят из одних и тех же молекул. Я не говорю о том, что её свойства не меняются – это бы противоречило здравому смыслу и очевидно-

сти – но в том-то и дело, что это для нас вещи становятся несхожими почти исключительно потому, что мы так на это смотрим, да и, кроме того, её замерзание тоже не происходит одномоментно, но занимаем какое-то время.

С теми абсолютами, которые были приведены в качестве примеров, всё обстоит ещё более печально. Воду мы хотя бы в состоянии кипятить или охлаждать, или вовсе её не трогать, т.е. получить пусть и несколько антропоморфные, но всё-таки зримые результаты, с Богом же или Мировым Духом такие фокусы не проходят. Да, мы способны постулировать то-то и то-то, но нет, доказать мы это не можем.

Возвращаясь к законам мироздания, это означает следующее. Во-первых, это мы, а не кто-то иной, вывели их. Тот же пар и простая вода для созданий гораздо меньше нас, скорее всего – потому что знать наверняка это нельзя – представляются одинаковыми или очень похожими. Лёд, разумеется, отличается и от того, и от другой, но вряд ли именно кардинальным образом. Вполне вероятно, что для них он не существует в принципе из-за того, что оказавшись в нём, их жизнедеятельность прекращается, а, следовательно, его для них нет вовсе. Т.е. всегда надо иметь в виду, что наш взгляд на вещи далеко не единственный, а оттого и не обязательно верный или истинный.

Во-вторых, если мы принимаем максимально жёсткие и строгие оценки соответствия наших гипотез о действительности ей самой, то мы должны оставить любые попытки по

выведению универсальных законов. В таком случае мы не вправе говорить что-либо о том, что нам предшествовало, а также о том, что будет после нас. Всё, что нам доступно – это сегодня, в котором мы можем проводить те или иные эксперименты, доказывающие нашу текущую правоту, и только её. Выходить же за рамки этого не то, чтобы строго, но на чисто запрещено.

В-третьих, согласно теореме неполноты К. Гёделя любая формальная система не поддаётся полному своему описанию при применении её собственных элементов и в рамках её категорий и понятий. Выражаясь иначе, мы не способны подняться над системой для того, чтобы её понять. С одной стороны, это вроде как свидетельствует в пользу замысла, потому что открывает простор для спекуляций на тему более высоких уровней сознания или разума, но с другой – наоборот, закрывает для нас эту возможность. Поэтому присмотримся к ней повнимательнее, тем более что она идеально вписывается в то, о чём тут идёт речь.

Если мы применим данную теорему в отношении неё самой, мы получим бесконечно расползающиеся и не имеющие никакого желания прекратить это делать дополнительные реальности. Так, скажем, если в нашей системе координат присутствует Бог, то требуется ещё более высокое существо, которое бы Его объясняло. Последнее, в свою очередь, нуждается в новом уровне понимания, а, значит, Ему необходимо наличие ещё более могущественного создания, чем

то, которое оно в себя уже включает. И так далее, и тому подобное. Остановиться где бы то ни было не получится. Даже ссылки на трансцендентность Бога никак не помогают, потому что только указывают на систему, стоящую над и вмещающую в себя нашу, но не ту конечную, которая всем так нужна. Если же мы отказываемся от поисков, то лишь признаём, что смысла нет, но мы его выдумали.

Это очень похоже на то, что пытались сделать многие, а среди них – Ф. Аквинский, когда объявил Бога последней причиной всего сущего. Проблематичность такого решения указана в предыдущем абзаце, поэтому есть основания к тому, чтобы посмотреть на другую часть уравнения подобного рода утверждений, а именно должна ли она быть, либо нам так хочется – а это далеко не то же самое, что и её действительное наличие?

Как и, наверное, большинству мне очень тяжело говорить о том, что ничего абсолютного нет. Бессмысленность всего и вся, которая является неизбежным результатом такого признания, не может не удручать и не обескровливать. Тем не менее – и ниже будут рассмотрены пусть и не универсальные, а хотя бы просто конъюнктурные решения данного затруднения, но не проблемы – нужно доводить дело до конца.

Как уже указывалось, если последовательно применять теорему К. Гёделя, мы попадаем в бесконечно расширяющуюся спираль всё новых и новых реальностей, из которой попросту нет выхода. В теории струн добавляют дополнитель-

ные измерения, в нашем случае мы вынуждены создавать всё более могущественные субстанции или сущности без надежды когда-нибудь уткнуться, наконец, в стену или предел. Но давайте спросим себя, а где здесь проблема?

Нам прекрасно известно, что наши возможности и способности довольно сильно ограничены, но это не мешает нам познавать мир так, как мы и в состоянии это делать. Мы живём довольно короткий промежуток времени, и это не останавливает нас и не приковывает к дивану с тем, чтобы даже и не пробовать. Наконец, даже среди всего потенциально для нас доступного мы получаем лишь ничтожную долю всего этого разнообразия, но при этом не жалуемся и не ропщем, но, напротив, исполнены благодарности – непонятно, правда, кому или чему.

Где тогда, спрашивается, камень преткновения с тем, что мы не способны отыскать – на принципиальном уровне – конечную причину всего и вся, тем более что её и нет? Пусть она маячит манящим горизонтом, как и многое другое на в наших жизнях, но это само по себе нас прежде нечасто останавливало, если не вовсе придавало сил и заставляло двигаться вперёд – ради ли будущего или по каким-то иным соображениям. В конечном счёте наличие ответа означает завершение пути, а это как раз то, чего мы так не хотим.

И, между прочим, если Бога нет, то позволено далеко не всё, потому что отныне следит за нами не Он, а окружающие нас, которые куда более опасны и требовательны, чем некто,

кого ни увидеть, ни ощутить, ни услышать нельзя. Те, кто ближе к нам, напротив, настолько осязаемы и материальны, что хотя бы одно это способно удержать нас от совершения того, что непозволительно, запрещено, порицаемо, осуждаемо и наказуемо в их глазах. Впрочем, я ещё вернусь к этому вопросу.

Несмотря на то, что математика оперирует разными – действительно есть те, что больше, и те, что меньше – бесконечностями, она не в состоянии выйти за пределы осуществимого с её помощью, потому что является таким же порождением разума, как и мифы, сказки, феи, ангелы и демоны. Нам нравится думать, что у всего и вся есть своя причина, но далеко не всегда – а на самом деле весьма редко – так оно и есть. И всё-таки существуют ещё представления о сингулярности, которая очень близко подходит на роль последнего импульса или толчка. Как быть с ней?

Она бывает, условно говоря, двух видов. В первом своём обличье она, как предполагается, запустила так называемый Большой Взрыв, который и породил населяемую нами Вселенную. Разумеется, у нас нет знаний о том, что его запустило, и вряд ли – эту оговорку всё же стоило бы оставить, но не из-за желания найти конечную причину, а в силу неопределённости будущего – они у нас когда-нибудь появятся. Есть гипотеза, согласно которой ложный вакуум – с огромной энергией – стал истинным – с низкой. Она, однако, не объясняет, почему это произошло и что к этому подтолк-

нуло, а также откуда он сам возник.

Второй облик сингулярность принимает тогда, когда – в свете современных представлений, но это не обязательно так и есть – достаточно крупная звезда коллапсирует в саму себя и превращается в чёрную дыру, в которой, как тоже считается, как раз и наблюдается – метафорически выражаясь, потому что ни увидеть её, ни вообще как-то осмотреть это у нас не получится – нечто подобное – да, и Солнцу это не грозит, оно слишком маленькое. Что там происходит неизвестно, но ясно лишь то, что у неё появляется горизонт событий, излучение и некая совершенно не такая, какая у нас физика – всё это тоже предположительно и теоретически, ведь эксперименты с ней провести, по крайней мере сегодня, не удаётся. Существуют и другие её, аллегорические и иносказательные формы, но нас они пока не интересуют. Тем не менее, вопрос остаётся – что с ней делать?

Здесь есть несколько проблем, которые бы стоило озвучить. Первая. В силу грандиозности как пространственных, так и временных масштабов изучаемых явлений проверить даже наши догадки, не говоря уже гипотезы, выкладки и модели относительно обеих личин сингулярности не представляется возможным. Это не означает, конечно, того, что они ложны, но указывает лишь на их косвенный и спекулятивный характер, а этого довольно мало для того, чтобы делать какие угодно выводы. Я понимаю, что так вопрос не решается – т.е. указанием вроде «сам дурак» – поэтому следующая

трудность.

Не кажется ли вам удивительным или просто совпадением то, что оба типа сингулярности так или иначе связаны с тем, как устроено всё мироздание – по-другому, разумеется, и быть не могло, но всё-таки? Так, в центре почти каждой – скорее всего всякой – галактики имеется чёрная дыра, вокруг которой та и вращается. А Большой Взрыв столь же таинственен, как и судьба достаточно крупных звёзд, когда они сжимаются до таких размеров, что известная нам физика перестаёт, по всей видимости, работать. Т.е. смысл состоит в том, что они не являются чем-то запредельным, но вполне себе соответствуют всему тому, что мы не считаем ни странным, ни из ряда вон выходящим, но, напротив, полагаем за норму, только подкрепляющую наши представления о Вселенной.

И третья. То, что мы не понимаем, что происходит или имело место быть в соответственно чёрных дырах и в момент – хотя времени тогда ещё не было – Большого Взрыва, само по себе говорит лишь о силе – вернее слабости – нашего интеллекта, но ничего о природе вещей. Если, скажем, у нас в голове не укладывается, как могут соседствовать и даже взаимно поддерживать, как нам кажется – помните всегда об особой физиологической точки зрения – противоречащие друг друга силы ли, предметы, явления, то это совершенно ничего не сообщает о них, но громогласно кричит о нас. В конечном счёте, мы можем банально оказаться неправы ли-

бо по поводу одного, либо в отношении иного, а то и в обоих направлениях разом.

Всё это, но в особенности второй пункт, ясно указывает на то, что нечто потустороннее, видимо, придумывается нами, а не существует в реальности. И как нет неких переходов количества в качество, так, с большой долей вероятности, нет и некой особой сингулярности, которая ставит всё с ног на голову. Наоборот, всё и вся в этом мире может быть – но не обязательно именно нами – объяснено и понято, тот же факт, что мы пока до этого не доросли, говорит лишь о том, что мы не такие умные, как нам нравится думать, а потому стоило бы пересмотреть собственную самооценку – потому что вердикта со стороны мы до сих пор не выслушивали, а полагались лишь на своё мнение – которая, наверное, слишком завышена и не соответствует действительности.

Опять же довольно легко сфабриковать какую-то заоблачную сущность, которая бы всё и расставляла по своим местам, но это хотя бы нечестно и лишь выдаёт нашу слабость за нечто возвышенное и нам недоступное. Постулируя конечную причину мы только отстраняемся от проблемы, но никак её не решаем. К тому же не так уж и тяжело жить с осознанием того, что далеко не всё – а на самом деле очень мало чего – даже осуществимое нами в принципе мы испытываем на себе, а потому и не стоит городить стены там, где они не нужны. Как бы то ни было, но давайте опять вернёмся к осмысленности законов природы и их предполагаемой

интенциональности.

Взглянем на них со следующей стороны. Те, кто постулирует центральное место человека в космосе на самом деле не настолько неправы, как может показаться на первый взгляд. Бесспорно, полагать, будто люди являются венцом и пупом всего и вся несколько наивно, особенно учитывая размеры Вселенной. Тем не менее, будучи бесконечной – по крайней мере изнутри – она по определению не имеет нулевого меридиана, а потому в принципе на эту роль сойдёт абсолютно любая точка в пространстве, включая и Землю.

Все это, конечно, не означает того, что существует некая ось, вокруг которой вращается всё мироздание. Т.е., разумеется, мы вправе назначать на эту должность те места, какие нам только захочется, но сама по себе эта операция – а равно и её результат – будет бессмысленной с самого начала, ничего не прибавив, но и не убавив, потому что она даст нам лишь конвенциональный центр, объявленный нами самими, а это не равносильно тому, чтобы и вправду его обнаружить. Впрочем, остаётся ещё одна возможность несколько исправить наше положение. Её суть состоит в том, чтобы вычислить – или просто указать – ту точку, в которой и произошёл Большой Взрыв.

Вполне резонно предположить, что был его эпицентр, из которого в дальнейшем материя распространилась по всем направлениям – вследствие того, что сопротивления не было, расстояние во все стороны должно быть одинаковым.

Фоновое излучение показывает, что с момента начала всего и вся прошло что-то около четырнадцати миллиардов лет. Отталкиваясь от, условно говоря, краёв Вселенной мы теперь в состоянии достичь её ядра. Увы, но и при таком взгляде на вещи обнаруживаются серьёзные и, надо заметить, неразрешимые проблемы.

Начать следует с того, что подобная логика в принципе ущербна. Те взрывы, которые мы актуально наблюдаем на Земле и гораздо реже где-либо ещё, не похожи на то, что случилось в нулевой момент. Тогда материя – а с нею и время – не разлеталась, но создавалась, и как это происходило никто не знает. Существующие космологические теории в лучшем случае имеют дело не с самым началом, но с тем, что было спустя – неважно насколько скоро. Т.е. именно само творение они и не описывают. Это и неудивительно, учитывая, что мы находимся внутри системы, а, значит, априори не способны выйти за её пределы, что необходимо для того, чтобы понять, что же стряслось с той – теми, тем? – субстанцией, а не с нынешней. Наши модели неизбежно принадлежат нашему же миру, а потому имманентно неполны и однобоки.

Вторая проблема. Если конфигурация, скажем, галактик нам известна, то мы ничего не можем сказать относительно именно бесконечности, которой и является Вселенная. Одно дело двигаться от края того же Млечного пути к его центру, и совсем другое пытаться делать то же самое, но уже в масштабах всего. У бесконечности нет конца, оттого она так и

называется, а потому искать его не просто сложно, но и бессмысленно. И ровно та же логика касается и её ядра – его в принципе нет, несмотря на то, что нам, вероятно, хотелось бы обратного.

Третья. Как уже указывалось, современная физика не в состоянии объяснить и понять, что же происходит внутри чёрных дыр. Если оба типа сингулярности представляют собой одно и то же – а это не обязано быть именно так – то в момент – плохое слово, но здесь вообще любое неуместно – Большого Взрыва случилось то, что нынешние законы описать не способны по принципиальным соображениям. Это же, в свою очередь, означает, что наши представления о подобных событиях ложны, и у нас нет никакой возможности как бы то ни было их исправить или откорректировать.

И ещё одно. Само по себе наше желание везде отыскать некий центр или ось не гарантирует и не предполагает их наличие. Убеждение в чём-то и его актуальное существование – это две разные вещи. Даже если логически нечто и должно вроде бы быть, надо понимать, что наши способы мышления отражают эту физическую реальность, а потому беспомощны и бесполезны в отношении такой действительности, которая действует по иным по сравнению с нашими принципам и законам. И это релевантно как в отношении сингулярности, так и в связи с последними, к которым мы теперь и возвращаемся.

Давайте спросим себя вот о чём. Отражает ли наше мыш-

ление саму реальность? Это очень похоже на теорию лингвистической относительности Сепира-Уорфа, которую я рассматривал неоднократно в других своих работах. Тут же я хочу сосредоточиться не на культурном аспекте озвученной связи, а на сущностных её основаниях, как это делал, скажем, Л. Витгенштейн, но также и многие другие. Действительно ли мы думаем о действительности так, как это необходимо для того, чтобы её понять и объяснить?

На этот вопрос можно ответить двояким образом. С одной стороны, наш мозг представляет собой – и это важно помнить – такой же материальный предмет, что и все остальные. Это означает, что и его свойства, и его функционирование, и принципы, по которым протекает последнее, подчиняются ровно тем же законам, что и всё прочее. В нём нет ничего таинственного, возвышенного, волшебного, но он является вполне заурядной вещью – о нём и его характеристиках ещё пойдёт речь ниже. Т.е. он ничем не выделяется, а потому выступает в роли вполне тривиального объекта.

Это говорит о том, что и его эманации или результаты его деятельности, и сама по себе его работа должны рассматриваться как нечто, отвечающее всем требованиям, которые предъявляет к нему окружающий мир. Если последний построен на тех же основаниях, что и первый, вполне резонно заключить то, что мозг более или менее внятно, объективно и непредвзято отражает то, что он и должен. В конце концов, мы не натываемся постоянно на стены, различаем спе-

лые плоды и оказываемся в большинстве случаев там, куда и намеревались попасть. И хотя существует такие его повреждения, которые делают нормальную жизнь его обладателя труднореализуемой, при обычном положении дел наблюдается определённый порядок.

Вообще довольно странно было бы ожидать, что всё будет как-то по-другому. Живём мы и действуем в этом мире, а не в каком-то ином, и потому приспосабливаемся именно к нему и ко всем его требованиям, но не к чему-то ещё. Впрочем, как и во многих подобных случаях, всегда появляется какое-нибудь досадное «но», и наша ситуация в данном ряду не исключение. Поэтому.

С другой стороны, есть совершенно очевидное расхождение между размерами и масштабом Вселенной, даже просто Земли, и самим человеком, который и то, и то хочет понять, а для этого исследует и мыслит их. Тем не менее, абсолютно ясно то, что лучшим, исчерпывающим и полным описанием мира является он сам, но по вполне прозрачным и явным причинам мы не в состоянии вдаваться в каждую подробность и рассматривать всякую деталь, а потому прибегаем к упрощению, моделированию, анализу, что сильно дискредитирует наши открытия и, как следствие, способы, с помощью которых те были сделаны.

Вообще это фундаментальная наша черта. Мы склонны всюду искать наиболее, выражу это мягко, экономное решение, а, кроме того, при любой возможности предрасположе-

ны вообще не использовать свой мозг на полную мощность – только умоляю вас, не подумайте, что и я говорю о тех несчастных, но в корне неверных якобы десяти процентах, нет, я имею в виду нежелание именно напрягаться и стараться, а не загруженность нашего центрального процессора, который всегда работает на все сто.

Ради этого, а также из-за собственной ограниченности мы и упрощаем реальность так, чтобы мы оказались в состоянии хотя бы как-то её понимать. В противном случае всё бы свелось к тому – и, кстати, именно это и наблюдается в современной науке – что мы бы сосредотачивались на всё более мелких подробностях, игнорируя – с очевидно неблагоприятными для себя последствиями – всё остальное. Увы, но этот путь тупиковый, потому что процесс детализации не останавливается на каком-то пределе, но норовит двигаться всё дальше, тем самым лишь усугубляя наше положение – яркий пример тому обнаружение вначале атомов, затем элементарных частиц, а после и кварков, и, вероятно, где-то нас ждут ещё более крошечные субстанции.

Понятно, что как-то иначе справиться со сложностью и многогранностью мира ни у кого попросту бы не получилось. Как бы то ни было, но это указывает на то, что, по крайней мере, наши знания о реальности в лучшем случае поверхностны и неполны, а в худшем – и вовсе не имеют права так называться. Но значит ли это, что что и наши способы мышления столь же узки, а потому и не отражают действитель-

ность так, как она есть на самом деле, но лишь так, как она видится нам? К сожалению, ответ на этот вопрос более или менее положительный.

Несмотря на или даже благодаря тому, что мы представляем собой обычные, даже банальные материальные объекты, существуем мы на совершенно конкретном уровне реальности. Проще говоря, каковы масштабы бытия, таков и охват мозговой деятельности. Я ещё коснусь этой темы, но пока замечу, что человек и не создавался для того, чтобы строить физические теории, космические корабли или же небоскрёбы. Подавляющую часть нашего пребывания на планете мы жили в обществах охотников-собирателей, и у нас не было никакой нужды в том, чтобы выяснять, насколько наше мышление соответствует тому, на что оно было направлено. Оно худо-бедно работало, и этого было более чем достаточно для удовлетворения наших повседневных потребностей. То, что мы занимаемся этим сегодня, просто несколько странно, а, помимо прочего, указывает на имманентные, принципиальные ограничения нашего интеллекта.

Если теперь мы применим данную логику в отношении осмысленности или же интенциональности найденных нами законов природы, мы обнаружим сразу две вещи. Первая. Как бы непоследовательно в свете того, что я здесь пытаюсь сказать, это ни звучало, в них есть не только содержание, но и определённые планы на нас. Однако возникают они вовсе не потому, что существуют в действительности, а из-за того,

что мы неосознанно вкладываем их хотя бы тем, что сами их и выводим. В принципе всякая наша деятельность неизбежно порождает нечто подобное просто оттого, что заняты этим мы, а не кто-то иной.

И вторая. С огромной долей вероятности – потому что, кто я такой, обычный человек, чтобы утверждать что-то со стопроцентной уверенностью? – никаких намерений в данных законах нет и быть не может. Так происходит хотя бы вследствие того, что написаны и выведены они такими существами, которые по определению мыслят на уровне повседневности, а не в космических масштабах, частными категориями, а не общими. Даже если нам и кажется – посоветую перекреститься – что с какого-то момента времени мы встали над своей физиологией – это, конечно, не так – и сумели взглянуть за горизонт, стоит просто посмотреть на формулы, которые вроде бы рассказывают нам о мире, для того, чтобы понять, что наше его осознание крайне далеко, если не вообще рядом не лежало с истинным положением вещей.

Неужели кто-то всерьёз думает, что принцип парсимонии или бритва Оккама и вправду имеют какое-то отношение к действительности? Не кроются ли в них наши банальные нежелание и неспособность охватить весь мир разом, но стремление постоянно дробить его на части, а если и подходить к нему, то только с таким огромным аршином, что хватает и нескольких измерений, чтобы его описать? Понятно же, что реальность устроена куда сложнее, чем даже наши

самые длинные и изысканные формулы. И мы даже признаём это, когда говорим о непреднамеренных последствиях, хаосе, эффекте бабочки, вероятности, случае. В принципе не столь уж и дико было бы предположить, что есть какое-то уравнение, которое бы описывало решительно всё и вся, но в таком случае оно окажется настолько большим и неудобоваримым, что вряд ли стоит затевать всё дело. Я, разумеется, ничего не утверждаю, но всё-таки.

И как будто этого мало есть ещё проблемы с языком – он априори категоризирует и систематизирует, т.е. обобщает ограниченностью наблюдений, опыта, данных, отсутствием необходимого инструментария для проведения исследований – причём как сугубо физического, так и ментального характера – в конечном счёте, с банальной ленью и многочисленными эвристиками, которые никто не в состоянии преодолеть. Но нет, мы радостно или нет – большинство, наверное, склоняется ко второму варианту – пишем свои формулы, свято веря в их непогрешимость, несмотря на то, что выражают они наше отношение к миру, наше его видение, а не его самого.

Я не хочу и не намереваюсь даже и в малейшей степени принизить роль и важность науки для человека и для общества в целом, но лишь указываю на вообще-то очевидные вещи. Ясно, что лучше неполное – правильное сказать крайне фрагментарное и куцее – понимание, чем его отсутствие. Пусть и в таком усечённом и обрывочном виде наши знания

о мире ценны и сами по себе, и тем, какую пользу они нам приносят. Однако несмотря на это, надо также отдавать себе отчёт в том, что мы только люди, а потому и способны и актуально демонстрируем исключительно то, что и в состоянии сделать. Претензии же на всеведение, не подкреплённые соответствующими механизмами и инструментами, выглядят жалко и неуместно, а потому нередко и заводят нас в тупик. Опять же я не призываю закончить все исследования или прекратить всякий поиск, но осознание своей ограниченности было бы шагом в правильное направление.

Подводя промежуточные итоги, хочется отметить следующее. Не стоит думать, будто мир нарочно и намеренно устроен так, чтобы в нём оказалась возможной какая то ни было, не говоря уже о разумной, жизнь. По большому счёту нам повезло, что всё сложилось так, что и наш вид, и все прочие стали осуществимы в принципе. Множество событий, которые никто не планировал и ничто не предвещало, в конце концов, сделали нашу планету такой, что мы смогли здесь появиться. Но это и всё. Ни в константах, ни в законах, ни в структуре Вселенной нет ничего, что бы свидетельствовало в пользу какого-то замысла. Нам только нравится так думать, и это подводит нас к следующим концептам, которые тоже принесли немало горя и продолжают оказывать колоссальное влияние на умы до прискорбия слишком большого числа людей. Я говорю о метафизических сущностях и начну, конечно, с Бога, который вопреки всем заявлениям и за-

верениям чувствует себя прекрасно даже несмотря на то, что Ему уже отказали во многих вещах, претензиях и привилегиях.

Лично я не понимаю, как в век, как их называют, космических и информационных технологий можно продолжать верить в кого-то, кто определяет наши судьбы в отсутствие каких бы то ни было тому доказательств. Тем не менее, я также отдаю себе отчёт в том, что людям это не только надо, но ещё и свойственно, а потому объявлять о Его смерти в принципе бессмысленно – Он всё равно воскреснет там или тут, на этом или на том уровне, причём как физически, так и ментально. Нам всем нужны ориентиры, надежда, наличие содержания. Без них становится не просто трудно, а колоссально сложно заставлять себя делать хоть что-то. Однако Бог среди объяснительных и побудительных причин к тому, чтобы продолжать всю эту волокиту, явно выделяется, и это заслуживает пристального внимания.

Собственно говоря, давно и почти повсеместно признано и доказано, что люди придумывали богов испокон веков. И это не некий недостаток или дефект – хотя, конечно, как посмотреть – мышления, но вполне естественный его атрибут. Более чем логично предполагать, что всё неким мистическим – или нет – образом связано между собой – разумеется, не на абстрактном, как теперь считается, вспомните о кварках, а на физическом уровне, т.е. непосредственно – а, значит, есть кто-то или что-то, кто или что регулирует всю

эту систему. Рационально также выводить из наличия своих собственных способностей какие-то их сверхразновидности. А, кроме того, вполне нормально считать, что просто так дышать и бегать как-то не с руки, и для всего нужен смысл. Поэтому боги не только постоянно рождались, но и, как предполагалось, вершили судьбами мира с самой древности. Тем не менее, одно дело анимистические воззрения, и другое – те, что возникли, укрепились и распространились вместе с появлением цивилизации. Первые я рассмотрю в одной из следующих глав, а вторыми займусь прямо сейчас.

У Ю.А. Гагарина – и я думаю, у многих других космонавтов, астронавтов и тайконавтов – спрашивали, видел ли он Бога на небесах. Разумеется, он – и все остальные, хотя тут не всё так однозначно – отвечал, что нет, седого старика там нет, а есть лишь отличный вид на Землю. Увы или к счастью, но такой подход к искоренению возвышенного попросту бьёт мимо цели и слишком топорен. Какая проблема в том, чтобы переместить Его куда-нибудь ещё, подальше от наших любопытных глаз, а то и вовсе поселить где-то по ту сторону от этого бытия? И это, собственно, то, что и было сделано. Бог в итоге ничуть не пострадал, но зато гарантировал себе право невмешательства в его существование, при этом не утратив ни силы, ни знания, ни своего положения среди людей. Зря, короче, интересовались.

Я говорю об этом потому, что представления о Боге эволюционировали, и с какого-то момента они приобрели имен-

но метафизический характер, который, как некоторые наивно и неправильно считают, были с нами всегда. Нет, в прошлом мы буквально встречались со своими идолами, могли спастись и есть с ними, разговаривать и даже драться. Трансцендентность же была выдумана намного позже, и она связана именно с возникновением цивилизации – как-то странно, что Ю.А. Гагарина вообще о чём-то спрашивали, если указанные события давно стали историей.

Впрочем, здесь надо быть осторожным. Сомнительно, чтобы, скажем, Мардук или Ра или Кетцалькоатль действительно воспринимались именно как метафизические сущности, у которых по определению не может быть ни одного сугубо материального атрибута. И, кстати, Яхве или Аллах тоже изначально всё-таки сталкивались – не аллегорически, а напрямую – со своими адептами. Как бы то ни было, но всё когда-то начинается. Боги охотников-собирателей вряд ли были в состоянии перерастить свою плотскую оболочку с тем, чтобы возвыситься над самим бытием, а вот у цивилизованных божеств это всё-таки получилось, а, значит, по крайней мере, в зачаточной форме, но трансцендентностью они уже обладали. Как это произошло и почему продолжается до сих пор?

Возьмём для примера десять заповедей в христианстве. Помимо общечеловеческих ценностей они также пропагандируют такое поведение, которое направлено на, во-первых, закрепление наличного положения вещей – это делают все

религии в принципе – а, во-вторых, по сути, утверждают патриархат, никак его не оправдывая, а лишь навязывая, причём весьма бесцеремонным способом. Но удивительно во всём этом не то, что именно внушается, а то, что всё это видится как само собой разумеющееся, что, конечно, неправда.

Скажем, заповедь о том, что нельзя прелюбодействовать, в общем и целом, направлена не столько на мужчин, сколько на женщин. С принятием оседлого образа жизни возникла потребность в том, чтобы богатство – которое вообще стало возможным только с появлением городов и возделываемых поблизости полей – передавать по наследству, т.е. своим, а не чужим детям. Для этого стало необходимо быть уверенным в том, что ваши отпрыски и вправду несут ваши гены, в противном же случае вы оказывались эдаким социальным неудачником, потому что всё общество строилось на частной собственности, которая тоже, кстати, стала осуществимой лишь с приходом цивилизации.

Можно сколь угодно долго говорить о демократической природе учения Иисуса, но на деле – если, разумеется, он действительно жил там и тогда, где и когда это указывается в Новом Завете – он был идеологом, а не революционером, потому что утверждал по большей части весьма архаичный порядок с закабалением женщин и, по сути, психическим и ментальным насилием над человеческой натурой, ведь нашему виду не свойственны жизнь в городах и сопутствующие этому ограничения, привычки, правила поведения. И если

вам кажется, что касается всё это только или исключительно христианства, то это не так. Любая институционализованная религия априори требует концентрации власти и создания – с последующим распределением – богатства – хотя бы для того, чтобы строить культовые сооружения, но, разумеется, не только для этого.

Понятно, что ни сам Иисус, ни его ближайшие соратники и ученики вполне вероятно не думали о новом – не сильно – мировоззрении именно в таком ключе, но, напротив, рассматривали его как нечто освобождающее и рвущее со старым. Проблема, однако, заключается в том, что, во-первых, они были продуктом своего времени, а потому не могли не нести в себе его доктрину, и та содержала в себе связанные с цивилизацией подходы к реальности, а, во-вторых, любую пусть даже и хорошую – как знать, конечно – идею всегда можно использовать совершенно не так, как предполагалось изначально. Как бы то ни было, но надо понимать, что мы не свободны от идеологических представлений своей эпохи, а также нередко становимся жертвой манипуляций и индоктринаций, и нет таких инструментов, которые бы позволило их избежать.

Давайте будем честными. Духовенство, которое занимается только и исключительно обслуживанием какого-то культа, по определению невозможно в обществе охотников-собирателей. Это не значит, что в последних нет шаманов или колдунов, но те преимущественно обслуживают себя сами и

выполняют ритуалы, если так можно выразиться, в своё свободное время. Возражения же о том, что, скажем, монахи тоже сами выращивают себе пищу, несостоятельны, потому что их освободили от всех прочих социальных обязательств, отгородили и выдали им землю, построили им храмы, наконец обеспечивают их различного рода коммуникациями. Да и вообще религиозные практики по своей сути являются весьма успешным именно бизнесом, а это имеет весьма отдалённое отношение к поискам Бога. Тем не менее, нас волнует несколько иной вопрос – как получилось так, что последний стал жизненным ориентиром?

Во-первых, он и так им был. Какие-то воззрения на трансцендентную тематику есть у любой группы людей, и хотя они не обязательно столь же сложны, как и в нынешних религиях, они всё-таки присутствуют, а потому не могут не влиять на тех, кто их имеет и их разделяет. Каждая культура в принципе обладает набором – не обязательно большим – таких взглядов, которые довольно некоторым образом связаны с повседневными делами и обязанностями. В конце концов, ту же свинью можно уложить так, чтобы она увидела-таки небо – утверждается, что это животное физиологически на это не способно – но его ещё нужно выделить как особую сущность, а без этого смотреть по большому счёту не на что. Человек же и обозначает его словом, а потому и замечает, видимо, вследствие того, что так устроен наш мозг.

С переездом в города ситуация, конечно, изменилась, но

взгляды относительно чего-то потустороннего хотя и претерпели определённые и весьма значительные метаморфозы никуда, разумеется, не делись, а лишь получили дальнейшее развитие. Но для того, чтобы что-то улучшить, закреплять, трансформировать, это что-то уже должно быть и проявлять готовность к прохождению всех этих процедур. Цивилизация не изобрела человека, а лишь переделала, приспособив его вполне естественные свойства и черты под свои нужды. И это коснулось в том числе и представлений о трансцендентном. И даже больше – они были рекрутированы чуть ли не в первую очередь.

Поэтому, во-вторых, Бог был действительно нужен. Не для того, разумеется, чтобы сделать жизнь горожан лучше, а затем, чтобы более эффективно промывать им мозги. Так происходило и продолжает иметь место быть и сейчас потому, что любой режим нуждается в каком-то оправдании. Мы редко подвергаем многие вещи сомнению, считая их само собой разумеющимися, но в том-то и дело, что священных коров не существует, и в принципе всё, что угодно, можно, а порой и строго необходимо подвергать именно данной операции. Но как был использован Он?

Как правильно отмечал К. Маркс, идеология нужна для того, чтобы показывать незыблемость и естественность существующего социального порядка. Потому что если кто-то начинает сомневаться и критиковать, то ничего хорошего не случается. И я тут не имею в виду любые протестные настро-

ения, вроде требований хлеба или даже свержения власть имущих. Нет, проблема глубже, и для того, чтобы понять, в чём именно она заключается, я немного отвлекусь, но это необходимо.

Посмотрите, послушайте или почитайте новости в – а не о – какой-нибудь стране. Что вы там обнаружите? Какие-то события, происшествия, сенсации. Всё как обычно. Однако если вы продолжите и дальше следить за ними, то со временем поймёте, что одни темы всплывают значительно чаще других, некоторые обходятся стороной или достаиваются лишь краткого упоминания, а третьи – и это самое существенное – не представлены вовсе. Конечно, важны также подача, словарь, стиль, частота и много что ещё, но для наших целей критично именно отсутствие.

Понятно, что какие-то темы, если, разумеется, они не имеют каких-то особых культурных ценности и нагруженности, не попадут в сводки просто потому, что не слишком интересны, банальны или и так всем известны. Пупки, моль в шубах, мелкие трещины на потолке вряд ли привлекут много внимания из-за своего обычно тривиального характера. Но есть такие объекты, которые не рассматриваются по принципиальным соображениям – не всегда, впрочем, на сознательном уровне. Можно было бы подумать, что я веду речь о каких-то вредных вещах, вроде пропаганды наркотиков, призывов к асоциальному поведению или разжигания войны. И в некоторой степени подобные вопросы показывают, что я

имею в виду. Но на самом деле они представляют собой лишь верхушку айсберга, да и то слишком заметную. Проблема же и глубже, и занимательнее.

В реальности существует – это можно называть по-разному – своеобразный общественный дискурс, который включает в себя довольно строго регламентированный набор тем и вопросов, которые к тому же подаются в совершенно конкретном виде. При этом ни наверху, ни где-либо ещё нет какого-то цензора, но тот имеет дисперсный характер и сидит внутри чуть ли не каждого. Запреты, конечно, накладываются и явно, но куда эффективнее и действеннее они работают тогда, когда считаются чем-то само собой разумеющимся, как говорят, священным. Последнее ни в коем случае нельзя ни трогать, ни смотреть на него под некоторыми углами зрения. В противном случае – если нечто подобное случается в принципе, а такое происходит крайне редко – следуют очень жёсткие санкции и репрессалии самых разных видов и сортов, вплоть до убийства – в том числе и изнутри, оттуда вообще прежде всего, т.е. человек доводит себя сам.

Я не стану приводить тут примеров, потому что неизбежно задену и самим их озвучиванием, и, конечно, их рассмотрением очень и очень многих людей. Тем не менее, не кажется ли вам странным, что мы имеем священных коров как таковых? Почему какие-то темы и вопросы получают подобный статус в принципе? Разве можно в ментальной сфере разделять то, что трогать позволено, и то, к чему прикасать-

ся нельзя? Отчего мы считаем, что некоторые мысли греховны – это, кстати, изобретение именно цивилизации, у охотников-собирателей вряд ли было такое понятие, я ещё коснусь этого – и постыдны?

Мне, конечно, возразят, что за тем, что происходит в голове, нередко следуют вполне реальные и пагубные по своим последствиям поступки. Но, во-первых, это далеко не всегда так, а, во-вторых, в случае само– или просто сдерживания теряем мы гораздо больше, чем избегаем, т.е. причиняем себе более существенный вред. Свобода мысли не должна ограничиваться, какие бы доводы в пользу этого ни звучали и как бы убедительны они ни были. Хотите думать – пожалуйста. Зажатость же внутри сразу же транслируется во внешнее рабство, которое, однако, именно в таком качестве мало кем воспринимается.

Идея Бога во многом и стала определять – и до сих пор это делает – этот самый дискурс. Например, тот же запрет на прелюбодеяние попросту противоречит человеческой природе, потому что нам свойственно – есть, конечно, такие, кого подобное не интересует, но их мало – испытывать в том числе желания сексуального характера, а вследствие того, что мы меняемся, было бы несколько странно ожидать, что его объектом будет оставаться один и тот же человек на протяжении всей нашей жизни. Загоняя же свою похоть – слово-то какое – внутрь, всячески сдерживая её и осуждая, мы предаём собственную натуру из-за того, что, поступая так,

мы ведём себя ненормально.

Его фигура потребовалась для того, чтобы как раз и обосновать довольно дикие требования цивилизации к её членам. Заметьте, как часто мы говорим о том, что Бог всё видит, обязательно накажет, от Него ничего нельзя утаить, что справедливость благодаря Его вмешательству восторжествует. Ну, и классическое – и последние станут первыми. Создаётся впечатление, что Он нужен только в качестве надсмотрщика, и, собственно, так оно и есть – да и замечу, между прочим, что заглавная буква представляет собой не дань и не уважение, а выступает просто в роли соблюдения правила, сколь бы странным оно ни было.

И на это работает решительно всё. Шпили или башни религиозных сооружений вплоть до недавнего времени были самыми высокими, колокола или призывы к молитве были слышны на много вёрст вокруг, изображения богов присутствовали чуть ли не везде, постоянно упоминались их имена – запрет на то, чтобы говорить о них всуе, в сущности, лицемерие, наоборот, непрерывное их упоминание есть необходимость – и, конечно, всё делалось в их славу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.